ТЕАТР

...СКРЮ. что в ней... вы минуты на новом спектакле Театра имени Вл. Маяковского «Агент 00». Поставлен мой земляк Гончаров. Вы по пьесе Генриха Боровика, у меня возникло немало недоуменных вопросов. Правильно ли до такой степени осрыдлять далеко не глупых и жизни агентов спецслужб? Нужно ли так парадировать серьезнейшие проблемы войны и мира? Гротеск разит бесподобно, когда это происходит, например, у Гойи в серии «Бедствия войны». Но можно ли на трагическом материале создать почти эстрадный аттракцион, как, как называет его сам автор, «шоу-бурф»? Оказывается, можно. Идет спектакль, и все эти вопросы как-то постепенно снимаются. Собственно

О. ПРУДКОВ

АГЕНТЫ ПОЙ УВЕЛЕВАЮЩИМ СТЕКЛОМ

...но говоря, ведь и зрители, пришедшие спектакля в пьесе Боровика, и вот один к — смотрится, и спектакль с нарастающим интересом. Неразрешенные проблемы мирного существования, которые принимаются в условном ключе игры, которые предложены драматургом и театром, — вот когда мы видим на сцене воображаемую игру в пинг-понг, то уже не задаешься вопросом: «А это еще зачем?» Оказывается, смотрится как встречающаяся метафора превосходства сильных человеческих душ над силой денег, тех самых, о которых учителкин спектакля поют:

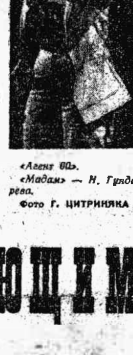
Деньги
шар земной вращают
Как хотят, куда хотят,
Грают, воруют,
Вешают...
Если ты богат.

Да, в спектакле, как в классическом водевиле, много поют и много танцуют. Это — зрелище в полном смысле слова. Но вот что примечательно: весь калейдоскоп разнообразных эстрадных сцен — обед в ресторане, где на столе красуется голова «Мадам» — главного шефа шпионской конторы «ЧУМА» (Чрезвычайное управление музыкальных аттракционов), чисто клоунский прием с радиотелефоном, мультипрезаным в большой зуб технического специалиста, разнообразные интермедии в стиле американских шоу (вплоть до стриптиза) — подчинен одной сквозной теме. Речь идет о смысле жизни, о судьбах людей, об участи маленького человека, барахтающегося в стальных объятиях мегамашины безумного западного мира.

Этим, в сущности, и определяется успех спектакля, талантливой и изобретательной постановки А. Гончарова. За цирковыми ситуациями, разыгрывающимися не сценах, стоят реалии американской жизни и политики. Начиная с сюжета, который как бы сошел со страниц газета. Маленький человек, коммивояжер по профессии, попадает в лапы политических провокаторов и становится «агентом 00». Он сам должен указать путь к вождю некоего таинственного доктринального племени, не тронутого цивилизацией. На самом же деле этого племени не существует, а вождь — бывший американский солдат во Вьетнаме, скрывшийся от подлости и алчности сильных буржуазного мира.

Но ведь тысячи таких людей и на самом деле сбежали в леса США, Канады и Аляски. Любой с сентиментальным синдромом. Они прекрасно и отдельно, живут вдали от цивилизации, испытывают трудности и лишения, лишь бы уйти от действительности. А какими методами действуют американские «цивилизаторы», мечтающие покорить всех народы от Гибралтара до Пешавара? Посмотрим фильмы.

— Что делаем мы? Вводим их в наши время. Минуя тысячелетия, сталкивая лицом к лицу с западными мерзко. Со всем его социальным многообразием. Объясняем: вот вам Запад, вот Восток. Вот свободный мир, вот не свободный. Не усложняем. Опять-таки постепенно, в общих чертах. У них — плохо, у нас — хорошо. Предлагаем выбирайте...



«Агент 00». «Мадам» — Н. Гриндева.
Фото Г. Цитриняка

В вспомнило в связи в этим одно откровенное заявление посла США в Никарагуа. «Он сказал: «Они (никарагуанцы) сами выбирают... Мы... Недемократично. У них, например нет свободных выборов».

Это поразительная поза — фраза почти дословно есть и в спектакле. «Мадам» ее произносит, прежде чем приказать надавить на вождя. «Живут на тех, мерзкоратичных выборов свободных у них нет».

Говоря о большой политике, не следует забывать о повседневных, бытовых приметах, которых таких немало в спектакле, что прибавляет ему несомненную достоверность. Вот одна из них: коммивояжер Питер Штуккенброк — ему в исполнении Ю. Недоводина, у А. Гончарова — ...

...ать, довольно страшно-витальным и смертельным. («А знаете ли вы, сколько раз мы можем уничтожить земной шар?»). Именно один из них — профессиональный организатор политических провокаций — извлекает на нашу сцену из стеклянного шарика («Знаешь на чьем, начиная сбыться, а все как будто дрожит, — ведь можно случиться и действительность».

В центре внимания зрителя — Наталья Гундарева, играющая «мадам». Она прекрасно поет и танцует — это отвечает жанру спектакля. Она обаятельна и в то же время грубо, бесцеремонна. Перед нами — такая представительница, которая на новым гранях своего разностороннего актерского дарования.

Мелодии чаплинских фильмов, использованные в спектакле, сопутствуют агенту 00» — коммивояжеру Питеру Штуккенброку. Владимир Ильин и внешне делает своего героя немножко похожим на Чаплина, маленького человека, жертвы капиталистического общества. Робкая улыбка надежды, затравленность, слеза, дрожащая на глазах. — такой Питер Штуккенброк. Поза в руки мнимых фокусников» на «ЧУМА», он как всех сил стремится остаться честным, сохранить человеческое достоинство.

В спектакле впервую не показаны силы, противостоящие убийцам. Г. Боровик не пользуется ещеприемом языком плакатов. Судьба столкнула маленького человека Питера Штуккенброка с вождем (А. Мартиновы), олицетворением вытаскивает трагедия, сжимает нежно кисти в войны. С помощью этих героев автор ведет разговор о том что сейчас тревожит мир и сказать между жизнью и смертью. На сцене нет ни смерть не наступит. Так рассудил театр. Не как рассудит жизнь? Удастся ли предотвратить катастрофу, убрать планету от ядерных мальчиков, готовых нажать на кнопку на стеклянном ящике?

ВЕСНА этого года богата спектаклями на международную тему, посвященным проблемам мира и войны, борьбе человека за лучшее будущее. Они продолжают прекрасные традиции советского театра, заложенные в пьесах Евгения Петрова, Константина Симонова, Леонида Леонова, Бориса Аверченко.

Известный афоризм, что все жанры хороши, кроме скучного, вполне применим к нынешним постановкам. Устин Гонтарь в политическом памфлете Г. Боровика соседствует с удачей Театра имени Ермоловой, создавшего спектакль по драме Василия Чичкова «Этот странный русский» (режиссер Владимир Андреев), и удачей московского Нового театра, подарившего нас постановкой по пьесе Георгия Зубкова «Монолог на городской площади» (режиссер Б. Бриллиантов). В. Чичков и Г. Зубков — тоже известные журналисты-международники, прекрасно ориентирующиеся в лабиринтах западного мира.

Действие спектакля Театра имени Ермоловой разворачивается в одной из латиноамериканских стран в дни фашистского путча. Тяжело ранен главарь хунты. И вот перед советским врачом, сбежавшим сотрудник сцены В. Андреевым, встает проблема нравственного выбора: участвовать или не участвовать в хирургической операции? Он спасает жизнь главаря хунты. Но погибает сам в автомобильной катастрофе, подстроенной сообщниками. У них нет ничего святого. Их совесть мертвая. И только один из них, непреклонный капитан Бергаева (А. Шейнин), пафосный благородством русского врача, задумался о происшедшем, колеблется, готов ему помочь, в конечном счете предает. В драматически напряженном представлении хочется отметить неуклонное мастерство В. Якута в роли французского врача, в прошлом участника движения Сопротивления.

Поиск неоднозначных характеров и неоднозначных решений ощущается и в постановке московского Нового театра. Отходя от стереотипов, Б. Гусаков изображает Хозяина как человека сильного, жестокого, коварного и в то же время сентиментального. Сюжет этой пьесы почти парадоксален. Чтобы доказать свою правоту, журналист Мерно (Н. Попов) принимает обличительный на смерть, он сообщает пресс-конференцию и произносит монолог, обличающий Хозяина и его сексуальный, враждебный простым людям мирок. В остросюжетном действии четко очерчены противоборствующие стороны, определено место человека в борьбе за социальную справедливость.

И, наконец, скажу еще об одном спектакле. Это «Суд над судьями» по кинопьесе завершенного драматурга Эбби Манна (режиссер П. Хомский) в Театре имени Моссовета. Она хорошо известна советскому зрителю по превосходному фильму Стенли Кремера «Нюрнбергский процесс».

Как хорош Р. Пилтз в роли судьи Дана Хейвуда! Этот человек на достиг высоких степеней, он служил в американском верховуте. Но он отнюдь не посредственность. Он великолепный знаток дел человеческих, но не выставляет напоказ свою мудрость и опыт. Да, в удовольствии следить за превосходной игрой одного из старейших мастеров советского театра. И все же совершенно невозможно избавиться от ощущения похожести этого судьи, не того, что создал в американском фильме Спенсер Трэси.

Вряд ли будет преувеличением сказать, что постановка Театра имени Моссовета, в сущности, является талантливым воспроизведением фильма Стэнли Кремера. Образ адвоката Рольфа выразительно рисует Г. Тарасторкин. Родись раньше, тот, подобно главному обвиняемому — юристу Эрнсту Янингу, одобрил бы владения Гитлера. Но тут же вспоминается в роли Рольфа Максимилиан Шелл. А М. Зимин — Эрнст Янинг не только внешне напоминает Берта Ланкастера. Впрочем, в зале не хочу осуждать театр за это сходство. В данном случае вряд ли нужно было искать модерновые эффекты и решения, которые чем чуднее, тем вроде приглекательнее. Ценность спектакля в еще одном напоминании о смертельной опасности фашизма. «Такие фильмы должны выходить каждый год, — подчеркивая еще двадцать с лишним лет назад в своем интервью Ричард Уиндмарк — исполнитель роли американского прокурора (в спектакле его с блеском сыграл Г. Жженов). Америка не имеет права забывать с делах немецкого фашизма, продолжая он, потому что иначе это может повторяться снова».

Но только Америка, но и все мы не должны забывать прошлое. В частности, те поколения, которые знают историю по книгам. Не забывать прошлое и точно оценить настоящее. В этом — главный смысл «Суда над судьями» и других политических спектаклей весны-84, показавших дух и тревоги сегодняшнего дня нашей планеты.